

Юрий Овтин

Рекомендация в КГБ

История эта произошла в те времена, когда служба в армии была обязательна и почетна для каждого советского мужчины.

Я работал корреспондентом в областной молодежной газете и учился на вечернем отделении политехнического университета на механико-технологическом факультете.

На все шесть лет учебы мне была предоставлена отсрочка от службы в армии. Однако, получив диплом, я был призван на срочную службу. Солдаты с высшим образованием в то время служили один год. На областном призывном пункте я оказался в числе тридцати таких же ребят, окончивших кто институт, а кто техникум, которых уже ждал «покупатель» – командир отдельного военно-строительного батальона в звании подполковника, которого до конца своей службы мы между собой называли Батей. Всем нам предстояла служба во взводе «Военпроекта». Но сначала мы должны были пройти трехнедельный карантин и привыкнуть к незнакомой для нас военной службе.

...Подъем в 6.00 утра. Обязательная ежедневная физзарядка на воздухе при любой погоде. Строевая подготовка на плацу. Строем в сортир, строем в столовую, строем на работу...

Так начались наши солдатские будни. Самым тяжелым сначала было правильно намотать на ноги портянки и одеться после побудки за 45 секунд. Казалось, освоить это было делом невыполнимым. Тем не менее, к концу службы я, заметно похудевший, свободно раздевался и одевался за 30 секунд.

Ярким и запоминающимся событием было и наше размещение после карантина в ротях. Наш отдельный батальон, в котором служила тысяча солдат, состоял из шести рот численнос-

тью от 120 до 180 человек, которые размещались в казармах на трехъярусных кроватях.

Старшина роты показал мне мое место, и я, бросив на тумбочку свои нехитрые пожитки, огляделся было по сторонам, но громкое бульканье и сопение заставило меня обернуться. Здоровенный детина атлетического сложения с наслаждением пил из горлышка мой «Тройной» одеколон. Я оторопел и ошалело глядел на это. Перехватив мой взгляд, солдат оторвался от одеколona и, набычившись, спросил меня:

– Шо, жалко, братан?

Я обалдело и невпопад ответил ему, что готов периодически делать ему подобные подарки, но при условии, что одеколон он будет пить на моих глазах. Так мы подружились с солдатом Васей с Брянщины. К слову сказать, в батальоне, где служили представители тридцати семи национальностей, брянская группировка была самой многочисленной и сплоченной, а потому и доминирующей.

Иногда в казармах вспыхивали драки. В ход при этом шло все. Основным оружием были металлические пряжки на солдатских ремнях с впрессованными на них пятиконечными звездами. Подобно снарядам, с грохотом над головами пролетали табуретки. Драки заканчивались так же быстро, как и начинались, после чего враждующие стороны еще долго выясняли между собой отношения, заканчивая ссору мировой, распив при этом невесть откуда взявшуюся бутылку-другую водки, а то и просто чифира.

Основная задача, которую выполнял наш батальон, была строительство военных объектов и жилья для военнослужащих. Солдаты развозились фургонами на строительные объекты, где работали рука об руку с гражданскими строителями. А потому пачка сигарет, да и бутылка вина или водки проблемы никогда не создавали. И заработать пару рублей на стройке было несложно. Солдаты же нашего взвода работали кто чертежником, а кто и конструктором в военном проектно-конструкторском институте, или сокращенно – в «Военпроекте». Так что на службу, по большому счету, мне было грех жаловаться. Я был на хорошем счету у командиров и через пару месяцев получил звание младшего сержанта.

После ужина я по обыкновению играл с солдатами в шахматы или же в клубе сражался с сержантами в бильярд.

Как-то в курительной беседке мы играли в шахматы «на вылет», когда к нам неожиданно подошел Батя. Он долго молча наблюдал за игрой, а потом неожиданно попросил позволения сыграть с победителем. К тому времени я уже обыграл пятерых солдат. Удача не отвернулась от меня и в игре с командиром. Проиграв две партии, он поблагодарил за игру и ушел в штаб.

После отбоя меня разыскал в клубе влетевший туда дежурный офицер, и заорав, почему я не в роте, приказал бежать во весь дух в штаб, к Бате.

Я влетел в штаб, плохо соображая, зачем мог понадобиться командиру в столь позднее время.

Батя сидел за столом, на котором были расставлены шахматы.

– Садись, – приказал командир. – В последней партии ты играл белыми.

С этими словами он сделал ход.

То ли я переволновался, то ли устал, – в общем, к большой радости командира и окружавших нас офицеров, я проиграл подряд три партии.

Так до конца службы я и остался единственным шахматным партнером комбата, практически ежедневно после отбоя разыгрывая с ним три партии. Силы у нас были примерно равные, игра шла с переменным успехом, я не поддавался и сражался упорно. Батя это понимал, и ему это нравилось.

Незаметно пролетело полгода службы, время подходило к весеннему дембелю, когда в батальоне случилось ЧП. Вусмерть напился и учинил пьяный дебош комсорг батальона прапорщик Дымов. Видимо, и до этого случая у него водились подобные грешки, потому как командование с ним обо не церемонилось, и, недолго думая, Дымова уволили из вооруженных сил. Сейф у него был забит бутылками грузинского коньяка десятилетней выдержки. Думаю, что это послужило последней каплей, переполнившей чашу терпения Бати, который как бы подвел черту под этим эпизоду, процедив сквозь зубы:

– Ишь, что вытворяет, мерзавец! Тут если и выпьешь иногда, да и то трехзвездочный, а он десятилетний марочный коньяк гранчаками жрать приучился...

Надо сказать, что природу этого коньяка в батальоне знали очень немногие посвященные.

В моей роте проходили службу человек пятнадцать грузин. Ребята эти были на редкость коммуникабельные и абсолютно бесконфликтные, со всеми находили общий язык и главное – не лезли на глаза, как бы постоянно находясь в тени. И что весьма существенно – водили дружбу со старшиной роты, матерым прапорщиком, служившим в армии около двадцати лет. По пятницам после работы два-три человека из них не без помощи старшины уходили в увольнительную и появлялись в роте аж в воскресенье после отбоя. И никто не мог догадаться, что их увольнение совпадало с рейсами «Аэрофлота» в Тбилиси и обратно. А в Тбилиси у одного из них отец работал начальником коньячного цеха на винно-коньячном комбинате. В часть ребята возвращались со спортивными сумками, набитыми великолепным коньяком «Тбилиси» КС (коньяк старый), при помощи которого они потом решали множество вопросов (в том числе и перелета на самолетах). Сумки с коньяком прятались в тайниках и схронах, расположенных вокруг территории батальона. Периодически хитрый Батя вместе с офицерами прочесывали прилегающую территорию. Бывали случаи, когда им удавалось разыскать бесценный груз. После этого весь личный состав батальона выстраивался на утреннюю поверку на плацу, и зам по хозяйству с размаху разбивал бутылки об асфальт под сожалеющий вздох тысячи солдатских глоток, вдыхавших на свежем утреннем воздухе пьянящий аромат дорогого царского напитка...

Увольнение из армии прапорщика Дымова неожиданно самым радикальным образом повлияло на мою солдатскую судьбу.

За очередной вечерней партией в шахматы Батя, глядя на меня, в присутствии офицеров вдруг сказал:

– А что если мы выберем тебя комсоргом? Опыт на гражданке у тебя определенный есть, писать ты умеешь, и если захочешь, потом можешь остаться у нас на сверхсрочную службу.

Офицеры одобрительно загудели.

Я попытался было сопротивляться, аргументируя тем, что абсолютно не знаком с этой работой.

– А тут особого ума и не надо, – резюмировал Батя и, хитро прищурившись, добавил: – К тому же, иной раз сможем перекинуться в шахматишки и в обед...

...Через пару дней меня избрали комсоргом на комсомольском собрании батальона и присвоили очередное звание сержанта...

Вместе с новыми обязанностями я получил и определенные привилегии, главной из которых являлась свобода передвижения. Если раньше на выходные дни мне приходилось клянчить у ротного увольнительную, то сейчас мне на месяц выдавалось командировочное удостоверение, с которым я беспрепятственно мог передвигаться вне воинской части и днем, и ночью.

Так как в мои обязанности входило контролировать работу нашего медпункта, то вместе с медбратьями я стал ходить «на мослы», или попросту говоря, проверять качество приготовленной в пищеблоке пищи. К тому же медбратья регулярно информировали меня, когда в кисель добавлялся бром, чтобы понизить сексуальную активность солдат.

Я стал обладателем малюсенького кабинета в штабе, где еле-еле умещался письменный стол.

Как и прежде, мы с командиром после отбоя разыгрывали традиционные три партии в шахматы.

И вот однажды после очередной шахматной баталии, когда комбат и офицеры разъехались по домам, а в штабе дремал на посту дежурный солдат, и я уже собирался идти в роту, раздался легкий стук – и в дверь кабинета протиснулся высокий черноволосый солдат из нашей роты. Это был Георгий Кванталиани.

– Разрешите, товарищ сержант, – обратился он ко мне. – Есть разговор.

Я жестом предложил ему сесть за стол.

– Вы не возражаете, товарищ сержант? – осторожно спросил он меня, доставая из-под гимнастерки бутылку того самого «Тбилиси»...

...Суть просьбы Георгия состояла в следующем. Через три недели он должен был уходить на дембель. Его заветной мечтой было поступить в Высшую школу КГБ. Отец обещал ему в этом

помочь. Для этого нужно было обязательно получить по месту воинской службы характеристику-рекомендацию. Георгий обратился с этой просьбой к Дымову, да вот незадача – его уволили... А время идет...

Я обещал солдату сделать все, что в моих силах.

На следующий день перерыл всю документацию, хранившуюся в моем кабинете. Как я и предполагал, никакой характеристики на Георгия там не было. Но я нашел копию подобной характеристики-рекомендации трехлетней давности. Это было уже кое-что. А характеристику-рекомендацию надо было еще подписать у комбата, замполита батальона, начальника штаба, парторга и комсорга, предварительно завизировав ее у командира, замполита и зампотеха роты, старшины и взводного. И наконец, утвердить ее в особом отделе и в политотделе строительного управления округа.

Отпечатав документ на пишущей машинке (компьютеров тогда не было и в помине), я приступил к сбору виз и подписей. На все про все ушло более недели.

К чести Георгия, он не одолевал меня напоминаниями, а терпеливо ждал.

И вот, наконец, я сказал ему, что он может зайти в штаб и получить в канцелярии свою долгожданную бумагу, усиленную множеством замысловатых подписей, скрепленных несколькими печатями.

Через пару дней после отбоя Георгий осторожно протиснулся в мой кабинет.

– Уж и не знаю, как вас отблагодарить, товарищ сержант, – сказал он. – Большое вам спасибо! Будете в Тбилиси – вы самый дорогой и почетный мой гость! Вот вам мой адрес. А это, пожалуйста, выпейте за мое здоровье, – продолжил он, передавая мне две бутылки коньяка. – А вот этот подарок лично от моей мамы, наш грузинский чай, высший сорт, – и он поставил на стол красивую жестяную коробочку...

Я был тронут его вниманием, и мы по-братски распрощались.

...На весенний дембель уходило человек двести солдат. Каждый из них приходил и ко мне – я должен был поставить в так называемом «бегунке» подпись, подтверждающую, что комсомоль-

ские взносы уплачены сполна. Некоторым солдатам приходилось платить взносы за несколько месяцев.

Уходил на дембель и мой приятель с Брянщины Василий. В компании с двумя такими же, как и он, мордovorотами, Василий заплатил взносы и, получив «бегунок», спросил:

– А что, комсомол, не найдется ли у тебя чего выпить на посошок?

Я с сожалением развел руками.

– А может, чифирнуться чего найдешь? – не унимался Вася.

Я хотел было отнекаться, как вспомнил вдруг о подаренной мне коробке чая.

– Секунду, – сказал я, – сейчас поищем.

Достав из стола коробку чая, я перочинным ножом поддел жестяную крышку и обалдело посмотрел внутрь коробки. Вместо чая там лежал рулончик денег. Справившись с замешательством, я небрежно швырнул коробку обратно в стол и со словами: – К сожалению, братан, все выпили, – тепло попрощался с Васей.

Закрыв на ключ кабинет, я помчался в роту в надежде найти там Георгия. Однако на мой вопрос старшина роты, мечтательно потянувшись, ответил, что Георгий сейчас, наверное, где-то в горах запивает красным вином шашлык из седла молодого барашка...

С трудом дождавшись вечера и проиграв к вящей радости командира три партии подряд, я заперся в кабинете и, достав из стола чайную коробку, сосчитал деньги.

В рулончике оказалось пятьдесят десятирублевков, сумма по тем временам немалая, а для солдата и просто запредельная.

Обхватив голову руками, я задумался, как мне поступить в столь неожиданной для меня нештатной ситуации...

На следующий день, а точнее, вечером после отбоя, перед традиционными тремя партиями в шахматы я обратился к Бате с необычным предложением:

– Товарищ подполковник! А почему бы нам не усилить свои ощущения от этой прекрасной игры? Скажем, если я выиграю сегодняшний мини-матч, то вы отпустите меня в десятидневный отпуск. Полгода я уже отслужил и по закону имею на это право.

Комбат с удивлением посмотрел на меня и спросил:

– А если проиграешь?

– Тогда с меня две бутылки марочного коньяка, – не моргнув глазом, ответил я.

Комбат на мгновение задумался и сказал:

– Согласен. Но в отпуск я тебя отпущу при условии, если ты выиграешь у меня три партии.

Нас обступили притихшие офицеры, и игра началась.

Первые две партии я выиграл без особого труда – легко и убедительно. А вот третья, в которой я сделал несколько ошибок в миттельшпиле, медленно, но верно шла к своему логическому окончанию – победе комбата.

Спаси меня могло только чудо. И вдруг, ко всеобщему разочарованию офицеров, Батя сделал два обидных «зевка» и сдал партию, после чего пожал мне руку и при всех подписал заявление на отпуск.

Вспоминая эту историю, я до сих пор не могу прийти к выводу: а не подыграл ли мне тогда комбат?

Впрочем, возвратившись из отпуска, я зашел к нему в кабинет и подарил две бутылки марочного коньяка «Тбилиси» десятилетней выдержки.

